

Книги Григория Шаргородского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**УБИВЕЦ МАГОВ. КАЛИБР 9 ММ
УБИВЕЦ МАГОВ. ВОЙНА НЕЛЮДЕЙ**

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДИВЕРСАНТ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДЕМОНОЛОГ**

**УКРОТИТЕЛЬ. ПОВОДЫРЬ ЧУДОВИЩ
УКРОТИТЕЛЬ. ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ
УКРОТИТЕЛЬ. ИСТРЕБИТЕЛЬ ТВАРЕЙ**

**ЧУДАК. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВОР
ЧУДАК. ИСКАТЕЛЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ**

**ДИКИЙ ЛЕГИОН
ПРОТИВОДРАКОНЯ ЭСКАДРИЛЯ**

**ВИДОК. ЧУЖАЯ БОЛЬ
ВИДОК. ЧУЖАЯ МЕСТЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

ВИДОК.
ЧУЖАЯ МЕСТЬ

РОМАН

Москва, 2018
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1139

Художник
И. Воронин

Шаргородский Г. К.

Ш25 Видок. Чужая месть: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2786-4

Человек способен привыкнуть ко всему. Вот и попаданец из мира, где магии нет и в помине, быстро привык к юному телу и должности полицейского видока. Освоился он и с чином титулярного советника, а также с обязанностями чиновника по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири. Да что уж там! Даже близкое общение с оборотнями, домовыми, лешими и русалками для него стало рутинной работой. Казалось бы, чем еще можно удивить такого человека? Но судьбе лучше подобных вопросов не задавать, потому что ответы придется получать на другом конце материка в схватке с монстром, факт существования которого отрицают даже создатели самого полного bestiaria магических существ и энергетических симбионтов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шаргородский Г. К., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2786-4

ПРОЛОГ

Приближался рассвет. Пока это было заметно лишь по чуть посветлевшему небу, но скоро над степью разгорится новая заря. Это великолепное зрелище доступно только тем, кто просыпается затемно, но лишь немногие из жаворонков способны по-настоящему оценить красоту момента. Фань Дзинь — первый секретарь посла Великого дракона Империи Цин, потомок древнего рода Фань и ученик мудрейшего Дай Дзена — ценил каждое мгновение бытия. Именно едва заметные детали обогащали его чувственный опыт. Каждая деталь мироздания, от упавшей на лепесток цветка пылинки до разогнавшего тучи урагана, несет важнейшую информацию. Тихий шорох в углу комнаты также имел немаловажное значение. Дзинь сумел вычленить его из общего фона, но ничего сделать не успел — в его шею вонзился отравленный дротик.

В этот же момент сердце Сюли — наложницы секретаря — сделало последний удар и замерло навсегда. Когда тело девушки мягко осело на пол, наложница посла пронзительно завизжала. И совсем не от страха за подругу: она поняла, что помощник ее господина мертв, ведь жизнь Сюли была крепко связана с жизнью Фань Дзиня. Она приняла бы на себя насланную на хозяина порчу, но против ударной дозы алхимического яда «связь душ» была бессильна.

Ворвавшийся в покои наложниц главный хранитель посольства мгновенно оценил обстановку:

— Перекройте все выходы из этого сарая! Чтобы ни одна крыса не выскочила наружу!

Охрана оцепила выделенный под нужды посольства особняк, но никого подозрительного поймать не удалось. Тяжело вздохнув, хранитель отправился на доклад к послу.

Чтобы хоть немного скрасить варварскую обстановку, слуги отгородили часть покоев посла шелковыми ширмами.

Внутри этого пространства и было обставлено место для чайной церемонии. Долго проживший в Нихон Коку посол предпочитал не традиционный обряд «гунфу ча», а японский вариант «тя но ю». Для непосвященных разницы никакой, но именно знание тонкостей, нюансов и полутонов отличало цивилизованного человека от варвара.

Посол был одет в традиционную для цинского чиновника голубую чифу с желтыми вставками. Шапочка по случаю уединения находилась на специальной подставке, так же как и парадное тяжелое платье буфу. Дун Фэй в последний раз взмахнул веером, сложил его и, чуть наклонившись, положил перед собой на циновку. Этим символическим жестом он будто отгораживался от внешнего мира. В общем, посол находился в предметитативном состоянии, которое и пришлось нарушить взволнованному начальнику охраны.

— Простите, мой господин, — низко склонился старый воюка перед послом, который застыл, как изваяние Будды. — Ваш секретарь убит, и убийца как-то сумел ускользнуть от нас. Я готов понести любое наказание.

Воин напряженно замер в ожидании решения своего господина. А оно могло быть каким угодно — большой поклонник культуры Нихон Коку вполне мог возжелать от своего слуги очистительного сэппуку.

Посол отреагировал на покаяние слуги лишь раздраженным движением вновь взятого в руку веера. Сейчас его больше заботила не смерть секретаря, и тем более не проблемы в поимке убийцы, — сильно напрягала перспектива разговора с великой княжной. О том, что со всеми проблемами нужно идти не к графу Скоцци, а к его супруге, знали все в цинском посольстве, вплоть до поварят.

Тень опасного врага накрыла собой дипломатов Поднебесной и предвещала в будущем лишь еще большие неприятности. Скорее всего, придется возвращаться обратно в империю, но это явно не понравится дочери варварского владыки, а если честно, посол немного побаивался ее. Он никогда и никому не признавался в этом чувстве, но сам прислушивался к собственным страхам очень внимательно. Его религия требовала осмысления каждой мелочи. Все в этом мире имеет значение, включая страхи и туманные предчувствия.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Откладывать неизбежное — не самый лучший выбор, особенно если это касается так называемой рутины. В важных делах подгонять себя легче, а вот мелочи имеют свойство забываться и накапливаться. Доклад о моем новом подчиненном нужно было отослать в канцелярию генерал-губернатора еще позавчера, но все как-то завертелось и забылось. Причем завертелось именно благодаря фигуранту данного доклада.

Что я могу о нем написать? Да не так уж много.

Когут Петр Захарович, он же бывший шатун по прозвищу Коготь.

Когда первый раз услышал фамилию Когтя, я порадовался за него. Судя по всему, другие шатуны слабовато знают украинский язык: ведь «когут» переводится как «петух». Впрочем, насколько мне известно, это слово пока еще не было очернено в местных уголовных кругах.

Родился Когут тридцать два года назад в семье сибиряков из украинских переселенцев. Уйдя из дома в шестнадцать лет, он подался в шатуны и успел снискать среди них славу лихого добытчика. Очень удачно женился на дочери покойного коллеги, и этот брак сразу принес плоды в виде двух чудесных девочек-близняшек. Но тут в мировых столицах вошла в моду опиумная пыльца. Так что со временем ее начали добывать и в Стылой Топи. Неизвестно, рос на местных болотах дурман-цветок изначально или его завезли, но сейчас этой дряни там слишком уж много.

Для семьи Когутов начало добычи пыльцы стало роковым. Слишком уж любопытный Коготь подсел на пыльцу практически сразу, и все закончилось буйным наркотическим угаром. Только чудом он не убил всю свою семью. Израненную жену удалось спасти, а девочки отделались испугом. Только

они не забудут этого испуга уже никогда. Выздоровевшая жена забрала детей и уехала из Топинска в неизвестном направлении. Засудить Когута не удалось, но он сам вынес себе суровейший из приговоров. На пике раскаянья шатун сумел соскочить с пыльцы, но при этом жестко запил и дважды пытался повеситься. Не дали товарищи. И тут к нему подошел я.

После первого предложения присоединиться к службе вылавливающих торговцев пыльцой, среди которых вполне могут оказаться шатуны, меня не убили только благодаря присутствию Евсея. Оборотень без проблем успокоил разошедшегося шатуна. Если честно, я уже плюнул на эту кандидатуру, но через сутки Коготь явился сам и согласился на предложение. Еще через сутки у нас в руках оказалось несколько нитей, способных размотать клубок топинской наркомафии. За одну из таких ниточек мы и потянули через пару часов.

Отчет получился корявым, но другого канцелярии генерал-губернатора я предложить не смогу, разве что попрошу Леху немного причесать мой опус. Да и вряд ли кто станет читать эту скучную бумажку. А вот если бы я написал отчет о себе самом, причем правдивый, то он бы вызвал настоящий фурор. Причем где угодно — начиная с канцелярии генерал-губернатора и судебной службы и заканчивая полицией и православными инквизиторами, или как их там...

Я так и не удосужился узнать, как называется эта служба в нашей церкви. А уж как бы обрадовались ребята из седьмого управления жандармерии, курирующего все энергетические аспекты жизни Империи — от колдунов до оборотней и свободных энергентов.

Даже стало интересно, как это литературное творение могло бы выглядеть.

По сути, живущий ныне титулярный советник Игнат Дормидонтович Силаев, чиновник по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири, по-настоящему родился совсем не в тысяча восемьсот семьдесят восьмом, а в прошлом девяносто пятом. Именно тогда в теле юноши поселилась душа мужчины предпенсионного возраста из двадцать первого века совсем другой реальности. И вот теперь я тащу за двоих не очень-то легкую ношу полицейского видака. Свой старый грех из другого мира приходится смывать созерцанием самых жутких подробностей кровавых убийств, а затем пересказы-

вать их в суде. Дело это опасное, но нужное. Хорошо хоть в Топинске убийства происходят не так уж часто, а после появления здесь видока их стало и того меньше. Вот я от скуки и решил побороться с наркомафией. А чем еще заняться? Благодаря немного неуклюжему прогрессорству проблем с деньгами у меня нет. Правда, своего соавтора по патенту на немагический, а значит, более дешевый аналог резины я сначала изрядно покалечил, а затем сдал жандармам.

Звучит мерзко? Не спору, особенно учитывая, что это был мой друг и наставник. Тот факт, что он по совместительству являлся безумным ученым и пачками потрошил юных дев, чуть облегчает ситуацию, но ненамного.

В общем, вот такая веселая у меня жизнь. Еще веселее она стала бы, ознакомься с этой историей кто-то из жандармерии или инквизиции, но суицидальными наклонностями я не страдаю, так что фиг им, а не увлекательное чтиво.

Закончив отчет по новому подчиненному, я встал и подошел к окну.

Весна. Всегда любил это время года. Дожди не приносят слякоти, как осенью, холода ушли, а солнце пока не такое надоедливое, как летом. В отличие от других территорий Сибири, благодаря соседству Стылой Топи, которая вопреки названию дарит окрестным землям дополнительное тепло, к нам весенние деньки пришли уже в конце марта.

Все вокруг зеленеет, цветет и пахнет. Особенно дурман-трава. Мысли опять вернулись в рабочее русло, и я начал одеваться. Благодаря должности и особому положению меня никто не заставляет носить мундир, так что я вырядился в некий вольный вариант казачьей формы. Очень вольный. Шаровары заправлены в самые настоящие берцы. Рубаху с широкими рукавами прижимали к телу жилетка и парная наплечная кобура. Оружие прятала сверху куртка, стилизованная под укороченный казацкий полушубок, но не такая теплая. В своем наряде я старался сочетать привычную по двадцатому веку одежду и местный стиль, дабы не выделяться на общем фоне. Но это в походном варианте. Мое парадное платье было построено по всем канонам — вдруг имеющий на меня зуб топинский судья смилостивится и допустит шебутного видока в высший свет города.

Ну а пока гламурные развлечения для меня закрыты, развлекаюсь работой.

После недавних событий, не вооружившись по максимуму, я из дома не выхожу. Так что к паре малых револьверов в наплечниках у меня имеется два их собрата в набедренных, практически ковбойских кобурах. Они и видом посOLIDнее, и калибром посерьезнее. Младший калибр был представлен известными мне еще по родному миру «бульдогами», точнее, их подвидом под названием «кобальт». Не уверен, что фирма та же, но родиной этих револьверов оставалась Англия. А вот старшим калибром по совету Василича я взял английские же «крашеры». Тут не берусь утверждать о наличии аналогов в моем родном мире, потому что в прошлом не был ни охотником, ни заядлым любителем оружия. В качестве последнего шанса был представлен мой любимый миниатюрный двустольный пистолетик, разместившийся на поясе за спиной в особом кармашке. Плюс к этому пояс отягощали две светошумовые гранаты, начиненные серебряной пылью.

Повернувшись к зеркальной дверце, я подмигнул своему отражению. Из зеркала на меня смотрел лихой разбойник, вооруженный от пяток до зубов. И только юношеское, слегка простоватое лицо немного портило суровую картину. Русый, серые глаза, черты лица с претензией на аристократичность, правда, подкачал чисто славянский нос картошкой. Да и вообще лишь в последнее время хитроватая улыбка и немного обогатившаяся мимика слегка улучшали картинку. Однажды Дава сказал, что в глубокой задумчивости я похож на сельского паренька, который впервые увидел паровоз.

Ничего, и это со временем пройдет.

Подпрыгнув пару раз, я удовлетворенно хмыкнул.

Все, теперь я почти терминатор, и плевать, что скажут окружающие.

Едва открыв дверь кабинета, я услышал возню на первом этаже. Судя по звукам и недовольному шипению, опять сцепились Кузьмич с Леонардом Сильчем.

Интересно, когда-нибудь в этом доме хоть на минуту воцарится тишина?

С момента, когда мы поселились в бывшей пожарной каланче, брошенной огнеборцами по причине переезда в камен-

ное строение в центре, покой в двухэтажном бревенчатом здании с наблюдательной башней воцарялся лишь ненадолго.

Спустившись до половины лестницы, я увидел вскочившего на стол большого серого кота. Сейчас шерсть на кошачьей спине дыбом, спина выгнута дугой, а глаза злобно блестели. Кот продолжал шипеть, поворачиваясь вокруг своей оси и провожая взглядом нечто невидимое мне и другим людям в комнате. Двенадцатилетний Осип по прозвищу Чиж сохранял на лице нейтральное выражение — он вообще в этой сваре старался не принимать ничьей стороны. А вот казацкий урядник Евсей растянул губы в ехидной улыбке.

Ну, ему простительно — полгода назад Силыч успел изрядно покарять казака-оборотня. Теперь, без ошейника-амулета, Лео не мог становиться монстром и не так уж сильно отличался от обычного кота, но старые заслуги не забываются.

Внезапно лежавшее у печи полено взлетело в воздух и понеслось к коту. К чести Силыча, он с легкостью отбил лапой снаряд, продолжая сверлить взглядом нечто невидимое даже через мои магические гогглы.

Я проверял. А жаль — такой апгрейд мне не помешал бы.

Домовой невзлюбил кота с первых же минут его появления в доме, причем настолько, что даже на этой почве помирился с казаком-оборотнем. Так сказать, враг моего врага — мой друг.

— Все, хватит! — строго приказал я, спускаясь по лестнице. — Кузьмич, мне это надоело.

Еще оно полено лишь успело взмыть над поленницей и тут же упало обратно, а кот перестал вертеться на столе и посмотрел на меня. Над потолком что-то ухнуло и задрезжало.

— А мне плевать! — возразил я бессловесному заявлению домового. — И покажись, когда с тобой разговаривают.

Тени в углу сгустились в полупрозрачную фигуру. Причем она сильно напоминала вырезанного Григорием человечка. Казака теперь с нами нет, а вот его фантазия помогла свободному энергетическому агенту, а в простонародье домовому духу, определиться со своим виртуальным обликом.

Евсей и Чиж тут же повернулись к показавшему себя домовому.

Леонард Силыч, почувствовав мою поддержку, успокоился и соскочил со стола на лавку. Он знал, что я не люблю его

посещений столешницы, на которой, на минуточку, принимаем пищу.

— Мы все живем в одном доме, и пока я здесь хозяин, все будет по-моему.

В печи сердито завыло.

— Не, Кузьмич, тебя только называют Хозяином из уважения к традициям, но владелец тут я!

Мне уже давно удалось найти подход к домовому и понять, что строгость у него в чести, — слишком уж истосковался по человеческому обществу этот погорелец-бродяга.

В комнате повеяло сквозняком, и призрачный силуэт домового растаял.

Обиделся, сердешный. Какое-то время придется наблюдать в кабинете мусор по углам, но подобное мы уже проходили. Надолго этого чистюли не хватит, и через пару дней все вернется на круги своя, а именно — к идеальному порядку.

Осип засуетился у печи, накрывая на стол. Я присел на лавку, и Лео тут же потребовал ласки. Под довольное урчание моя рука прошла по гладкой шерстке на кошачьей спине, но движение закончилось у основания хвоста. После драки с Евсеем, который едва не откусил кошаку кончик хвоста, это место у Лео, так сказать, болезненное. Он вообще плохо реагировал на прикосновение к своей пятой конечности.

После того боя и пленения профессора прошло почти полгода, а месяц назад в наш дом заявился обшарпанный и грязный кот, который где-то умудрился посеять свой артефактный ошейник. Теперь он не мог превращаться в жуткого монстра, но безобидным котиком тоже не стал.

До сих пор не понимаю, как он сумел преодолеть триста километров от Омска до Топинска и почему решил прибиться именно ко мне.

— Леонард Силыч, вы бы не дразнили Хозяина.

Кот поднял морду с умильными глазками, как у его коллеги из американского мультлика, но на меня такое не действовало.

— Даже не сомневаюсь, что в сваре виноваты оба, причем одинаково.

Кот фыркнул и, соскочив на пол, пробежался по чисто выскобленным доскам. Затем запрыгнул на подоконник. Там он принял характерную позу с явным намерением приступить к вылизыванию своих интимных мест.

— Леонард Силыч! — возмущенно протянул я. — Только не надо паясничать и строить из себя безмозглое животное. Постеснялись бы.

Кот принял более приличную позу и серьезно посмотрел на меня. Я же решил пойти на компромисс.

— Коль уж вам нравится эта игра — пусть, но держите все в рамках приличия.

Интересный тут, однако, мир. Если бы у себя на родине я разговаривал с темными углами и общался с котами, то, как пить дать, загремел бы в психушку. А здесь нечего — вон мои домочадцы смотрят с пониманием и даже уважением.

Восстановив мир в собственном доме, я принялся за обед. Нагружался под завязку — вряд ли до вечера удастся нормально поесть. Хотя Чиж наверняка соберет что-то в дорогу.

Уже к концу трапезы к нам присоединился Коготь, ввалившись в столовую из сеней.

— Все готово, бари... — запнулся бывший шатун и исправился: — ...командир. Уехал Кочевряж на свою заимку. Можно и нам собираться.

Я перевел взгляд на Евсея. Здоровенный казак молча кивнул и поднялся из-за стола. Пока Коготь быстро ел, Евсей ушел на второй этаж, чтобы закончить сборы. Раньше мои соседи спали прямо в гостиной, но теперь это было не очень удобно. Здесь у меня и трапезная, и офис, и переговорная, которую посещают разные люди, включая чиновников, — так что теперь Евсей и Чиж спали в казарме на втором этаже. Рядом в чулане хранились их личные вещи.

Через пару минут казак вернулся, как и я, вооруженный до зубов. Он уже перешел на летнюю форму с фуражкой, а вот я все еще носил на голове облегченную кубанку, потому что испытывал непонятную брезгливость к другим гражданским головным уборам. Вооружение казака составляли два массивных револьвера. В их расположении он частично взял пример с меня — один был в плечевой кобуре, а второй висел на правом бедре. С левой стороны находилась шашка. По количеству стволов он мне, конечно, проигрывал, но у него имелось и дополнительное оружие — звериная ипостась оборотня. Да и пяток свето-шумовых гранат в разгрузке дополняли боевую картину.

Коготь быстро дожевал и встал из-за стола. Его мы пока вооружать за казенный счет не спешили, так что он оставался при своем. За перепоясывающим полукафтан кунтушом торчал капсюльный пистоль, а из-за голенищ выглядывали рукояти кинжалов.

Пройдя черед сени, мы оказались в обширной конюшне. Правда, теперь это была не совсем конюшня, а эдакий механически-животноводческий ангар. С одной стороны помещения в стойле находился конь Евсея, а с другой расположился агрегат, от вида которого удавится от зависти любой любитель стимпанка: мой личный паромобиль.

Особенно колоритно выглядели треугольные автомобильные гусеницы, на которые вместо колес опирался сам агрегат. Это была моя задумка, а то на местных, похожих на мотоциклетные колеса далеко не уедешь, особенно зимой — можно застрять даже в городской черте.

Пока что автомобильные гусеницы были представлены в единственном наборе, но прекрасно зарекомендовали себя как зимой, так и по весенней распутице. На гусеничные ленты пошел местный энергетический каучук. В отличие от вулканического, номинальным изобретателем которого я считался, этот состав был намного прочнее и хорошо подходил для моей задумки. Конечно, меня можно упрекнуть в предательстве своего же детища, но топ-менеджмент АвтоВАЗа тоже не на «ладах» ездит, и, если честно, я их понимаю.

Дизайном мой паромобиль не впечатлял, но кузов ему разрабатывал не я, хотя планы по улучшению имелись. Внешне все было похоже на слегка приплюснутый четыреста пятьдесят второй УАЗ — родную «буханку», только на четырех треугольных гусеницах.

Еще нужно отметить, что бывший владелец чуть подсутился с тюнингом — по корпусу шли золотистые аппликации, как на каретах екатерининских времен. От себя я добавил несколько гирлянд магических фар, но в чисто утилитарных целях. Итог безумного автотюнинга в местных реалиях выглядел круто, но меня вид паромобиля, честно говоря, раздражал. Впрочем, у нас не столица, а в деле паромобиль показал себя с лучшей стороны.

Возле машины крутился Корней Васильевич, которого я сманил из оружейного магазина. Жил он прямо в гараже —

к отапливаемой стенке пристроил деревянную каптерку-мас-терскую. От более комфортных условий старый оружейник отказался.

— Все нормально, Игнат Дормидонтович. Аппарат готов к работе, — гордо заявил оружейник-механик, ковыляя ко мне на протезе.

Эту штуку он тоже смастерил сам по моей наводке и теперь настолько освоился, что даже не пользовался костылями.

— Спасибо, Корней Васильевич, — благодарно кивнул я старику и вместе с Когтем забрался в салон через кормовую дверь.

Евсей с большим удовольствием оседлал бы своего скакуна — он вообще не любил паромобилия, особенно со мной за рулем. Был у него в этом плане не очень приятный опыт. Но сегодня казаку придется потерпеть.

Внутри паромобилия по местной моде пространство было разделено на два отсека — водительский и пассажирский. В пассажирском отсеке находились два диванчика вдоль бортов лицом друг к другу. Для безопасности они имели ремни, которые играли очень важную роль, учитывая мой стиль езды по местным ухабам. Евсей остался в салоне, а Коготь уселся в кресло рядом со мной и начал суетливо пристегиваться. У него тоже состоялась поездка на этом паромобиле, что породило здоровую осторожность.

Ну что, поехали!

Дернув за рычаг, я пустил по спиральным трубам дистиллят и энергетический реагент, который местные называли «огненной водой». Смешиваясь в сферическом котле, две жидкости вступали в реакцию. Часть воды практически сразу переходила в состояние перегретого пара. В отличие от паровых котлов в моей реальности, угрозы взрыва не было — когда давление в котле превышало определенный уровень, реакция замедлялась и температура энергетической смеси снижалась сама по себе.

Паромобиль фыркнул паром и тронулся с места. Скорость для реалий двадцать первого века моего мира не ахти — не больше сорока километров в час. На колесах было бы быстрее, но это в Омске или еще где. В Топинске, особенно после недавнего дождя, такой вариант был предпочтительнее. К тому

же, когда выберемся из города, недостатки гусениц мгновенно превратятся в достоинства.

Тихо, лишь иногда пыхая паром и лопоча гусеничными лентами по лужам и подсохшей грязи, мы выкатили на улицу. Отсутствие шума было главным достоинством паромобиля. Правда, в плане маскировки оно нивелировалось блестящими на солнце завитушками.

Ничего, это дело мы поправим — Василич уже нашел нужную краску, правда, не сильно горит желанием сдирать аппликации. Говорит, что не хочет портить такую лепоту.

Народ хоть и привык к виду пока что единственного паромобиля в городе, но все равно останавливался и глазел на сие чудо технической революции. Уверен, местная элита недолго станет терпеть приступы зависти, и скоро автопарк города увеличится. А значит, добавится работы у единственной в Топинске автомастерской, которая полуофициально принадлежала мне.

До окраины города мы добрались минут за двадцать, и вот тут мой железный конь показал себя во всей красе. Если на гравии и грунтовке износ лент был неприятно высоким, то на лесной траве и болотных мхах они чувствовали себя прекрасно. В трясиноу, конечно, соваться не стоило, но мы этого и не планировали. Коготь хорошо знал местность и был проинформирован о возможностях нашего вездехода, так что с умом подбирал маршрут.

Лес уже окончательно проснулся от зимней спячки. Впрочем, в Стылой Топи, особенно ближе к центру, он, по сути, лишь дремал. Все вокруг наливалось не только природными зелеными оттенками, хватало и цепляющих взгляд диковинных красок. На окраине инаковость Топи была не так заметна, а в центре ее мало кто побывал, чтобы поделиться впечатлениями. Тот же Коготь рассказывал много удивительного о втором поясе Стылой Топи. А вот мне довелось побывать в самом центре. Но одно дело наблюдать за туманом, искрящимся крохотными молниями, сначала из защищенного вагона, а затем через крохотные иллюминаторы паромобиля, а другое — оказаться там без прикрытия, ощутив кожей все волшебные прелести и угрозы.

Так далеко мы забираться не собирались, но не факт, что к нам не нагрянут гости из тех сказочных мест.

— От трех сосен налево, — сказал Коготь, тыча пальцем в кривоватые деревца.

Довернув руль, я пустил паромобиль мимо примечательной троицы деревьев. Судя по хиленьким, покосившимся сосенкам, мы оказались на краю одного из тысяч топких мест знаменитых Васюганских болот, на юге которых и находилась Стылая Топь — единственное в Сибири место Силы.

— Не нырнем? — на всякий случай спросил я.

— Ну, ежели из той ухабины выбрались, туточки проползем играючи, — ответил бывший шатун, помяная наши совместные покатушки по окрестностям Топинска.

Я улыбнулся, вспомнив вытянувшуюся от удивления рожу шатуна, и уверенно повел паромобиль по указанному маршруту. Под лентами захлюпала жидкость, и, кажется, сама машина немного просела. Скорость чуть снизилась, но ненадолго. Будь мы даже на траковых колесах, так бы легко не прошли. А может, и вообще застряли.

Еще минут через двадцать добрались до места, где росли деревья помощнее и повыше, — эдакий остов посредине болотистой местности.

— Дальше лучше пешком, — опять выдал ценный совет Коготь.

Возвышенность, по сути, являлась большим холмом, если не сказать горушкой. Склоны были слишком круты для паромобиля, поэтому его придется оставить без присмотра.

Угнать не угонят, но могут испортить.

Сперва я даже пожалел, что не взял с собой Чижа, дабы он посмотрел за машиной. С другой стороны, если мы разминемся с шатуном и он наткнется на наш транспорт, то пусть лучше просто пострадает дорогое железо, чем навредят мальчонке. Боковые двери пилотского отсека закрывались изнутри, так что мы вышли через проем в пассажирское отделение, а затем выбрались наружу через задний выход. Эту дверь я и закрыл массивным ключом. Конечно, даже в таком состоянии наш транспорт можно вскрыть тем же топором, но повозиться вандалам все-таки придется.

Разобрав оружие, мы двинулись в заросли. Первым шел Коготь, уверенно выводя нас на цель.

Надеюсь, ему не грезятся по ночам лавры Сусанина. Кстати, в этом варианте истории такой персонаж тоже присутство-

вал, только он совершенно не собирался спасать родоначальника династии Романовых, потому что и династии такой не было. Поляки к Москве приходили, да только не выгорело у них ничего. В стране как таковой Смуты не случилось, и царь Игорь Иванович, о котором в моем мире и слыхом не слыхивали, без проблем провел страну через годы голода и погодных катаклизмов. Он же наподдал полякам, причем так увлекся, что в лихой славе далеко от папеньки не ушел. Так и записали в анналы — после Ивана Грозного царствовал Игорь Кровавый.

Тряхнув головой, я разогнал ненужные сейчас размышления о различиях двух параллельных историй и поспешил за Когтем. Спину мне, как обычно, прикрывал Евсей. Это положение в строю позволяло ему без лишних взглядов проводить частичную трансформацию, что подтверждали прерывистые звуки, которые издают собаки в поисках следа. Уверен, что сейчас лицо казака может напугать не только какую-нибудь барышню, но и нашего битого жизнью проводника. Я еще не сообщил Когтю, что в отряде имеется оборотень, и как он на это отреагирует, пока непонятно. Хотя, может быть, шатун что-то и подозревает — Топинск город маленький, и слухи здесь разлетаются быстро.

Очередной подъем немного сбил мне дыхание, что было прокомментировано фырканьем оборотня. После наших зимних приключений казак старался соблюдать субординацию и вести себя уважительно, но иногда позволял себе некоторые вольности.

Преодолев подъем, мы оказались на своеобразном плато, заросшем хвойным лесом. Причем пробираться по этим зарослям было еще то удовольствие. Одно радовало — хоть и едва натоптанная, но все же различимая тропинка в наличии имела. Коготь уверенно повел нас по этому пути.

Недоброе я почувствовал буквально через пару минут. Хорошо, что смотрел под ноги. Спина бывшего шатуна двинулась влево, а тропинка-то все еще вела прямо. Сначала я не стал придавать этому значения — мало ли какими кривыми путями ходят шатуны к своим схранам, — но затем Коготь полез совсем уж в непроходимые заросли.

— Коготь, зачем мы с тропы сошли? — спросил я, хлопнув проводника по плечу.

— Чего это сошли? Вот она, родимая, — уверенно ткнул шатун пальцем себе под ноги.

А там не то что тропы не было — трава почти в пояс.

— Не понял, — мотнул я головой и только тут почувствовал, что висящий на шее кулон в виде расколотого сердца чуть греет мою кожу.

Дернув за плечо, я заставил Когтя развернуться ко мне лицом, а затем резко хлопнул его ладонью по лбу. Идея «одуплителя» опиралась сразу на два источника: о чем-то подобном упоминалось в «Бестиарии», и так поступали гипнотизеры в моем мире, когда будили своих подопытных.

Как ни странно — угадал.

— Чаво это?! — отскочил от меня Коготь, но тут же забыл об ударе и начал осматриваться: — А тропа-то куда девалась?

— Тебе заморочили голову, — озвучил я свои догадки, но по-прежнему не понимал, кто здесь мог баловаться ментальной магией.

— Неужто правда, что Кочевряж сговорился с лешаком? — озадаченно проворочал Коготь.

Ну да, я мог бы и сам догадаться. Только что нам теперь делать?

— Евсей, — позвал я казака, которого отпустило и без моего вмешательства, — ты, случаем, никого не заметил?

— Не, командир, самого неслабо приложило.

— А зрение у тебя не меняется, когда...

— Есть немножко, — пожал плечами казак и покосился на Когтя.

— Давай, — разрешил я, и казак начал обращаться.

Это была частичная трансформация. Лицо оборотня вытянулось и потемнело. Я знал, что это всего лишь нарастающая псевдоплоть, сиречь временно материализовавшаяся энергия, и все же зрелище пробирало до дрожи. Со стороны казалось, что деформируются кости черепа, но это было не так. Просто на лицо нарастала псевдоплоть, которая скоро как появилась, так и растает, вновь переходя в энергию.

Блеснули удлинившиеся зубы волколака.

— Святые угодники! — перекрестился Коготь. — Неужто правду люди бают?!

Да уж, сегодня у бедолаги день открытий. К тому же его возглас подтверждал, что слухи о казаке-оборотне успели разойтись по городу.

Трансформация задержалась лишь на пару секунд. Казак осмотрелся вокруг и начал меняться обратно.

— Не, командир, не видать его, — закончив преобразование, отчитался Евсей.

Мне сразу вспомнился вертящийся на столе кот. Нужно будет в следующий раз взять его с собой, раз у него как-то получается отслеживать домового.

Эхом словам оборотня по листве пробежался ветер, и в этом шорохе я услышал скрипучий смешок.

Ага, значит, свободный энергент дорос до понимания человеческой речи. Об этом говорил и тот факт, что наркоторговец сумел договориться с лесным духом о защите. Иначе он сам тут плутал бы в трех соснах до скончания веков — сил на это лешему точно хватит. Благодаря беседам с профессором Нартовым и чтению подаренного им же «Бестиария» мне было кое-что известно о природе этих созданий.

Возникают они из простейших природных духов, у которых мозгов меньше, чем у улитки. Но вот однажды безмозглый дух взбудоражил листву и напугал какого-то грибника с нездоровым воображением. Наслушавшись рассказов о леших и прочей нечисти, бедолага выплеснул свой страх на духа, тем самым накачав его энергией. Год за годом сначала на одних инстинктах, а затем целенаправленно проказник пугал людей, подпитываясь их страхом, пока не начал осознавать себя как личность. За пару сотен лет вырастали такие хитроумные ребята, что с ними нужно держать ухо востро.

Что же, попробуем договориться, ведь с домовым я как-то сладил.

— Здрав будь, хозяин леса. Прости за неожиданный визит и прими подношение от чистого сердца.

По правилам нужно было бы обратиться более велеречиво, но я знал, что на форму обращения энергентам плевать, как и на пирожок, который я положил под куст. А вот на творческую энергию души, которую вложила в снесь кормившая нас баба Марфа, он должен позариться. Страх куда слаще, но и такая подпитка энергенту будет в радость.

Увы, я просчитался. Ветер опять взбудоражил листву.

Или это она сама зашевелилась?

Прозвучал все тот же подлый смешок. На голову мне посыпались сосновые иголки и какой-то мусор.

Даже так?

— О, так вот же тропа! — радостно заявил Коготь, опять указывая куда-то в кусты.

— Стой на месте! — резко приказал я.

Евсея тоже зацепило, но он тряхнул головой и глухо зарычал. Злость оборотня вызвала еще один смешок лешего. Физически повредить он нам не сможет, разве что шишкой стукнет, а вот заморочить голову моим спутникам — вполне. Конечно, благодаря артефакту я могу повести их как альпинистов на поводке, но не факт, что тропа приведет меня к нужному месту.

— Коготь, тропа идет к самому схрону?

— Не, Кочевряж не дурак. Тропка только до старого дуба, там бивуак для пришлых, а затем нужно еще с полверсты кругаями по знакам ходить.

Да уж, если даже Коготь объяснит мне, какие знаки искать, леший наверняка закроет их листьями, и оберег от морока уже не поможет.

— Леший, давай договариваться по-хорошему, — решил я сменить тон.

В любом случае к машине мы выйдем без проблем. В кронах зашумело. Стволы деревьев закрипели. Понимание того, что я влип в нехорошую историю, прошло по спине неприятным холодком, но отступить в таких случаях и стыдно, и вредно.

— Слушай меня, гнилой ты пенек. Если я уйду отсюда несолоно хлебавши, то очень скоро вернусь. А со мной придут ведьмаки. Слыхал о таких, шишка трухлявая?!

Я отчаянно блефовал, всеми силами стараясь придать уверенность не только своему голосу, но и усиленно транслируемым чувствам — пытался поверить в собственный блеф. И, кажется, получалось.

Ветер в кронах утих. Похоже, моя фантазия о возможностях ведьмаков оказалась очень близка к истине, и леший об этом знал побольше моего.

— Мы сейчас дойдем до схрона шатуна и заберем его с собой, а ты будешь вести себя как паинька.

На мои слова леший не отреагировал. Что же, будем считать молчание знаком согласия.

— Пошли, — обратился я к притихшим подчиненным.

Судя по их лицам, я, как говорят геймеры, заработал несколько очков репутации. Причем совершенно незаслуженно. Мне просто повезло. Будь леший хоть немного тупее или же чуточку умнее, в Топинск мы могли бы и не вернуться.

Коготь быстро сориентировался и вывел нас на тропу. Еще минут через десять мы дошли до упомянутого им дуба. Прямо под раскидистым деревом было обустроено место для бивуака. Все выглядело довольно привычно, кроме вбитых в ствол дерева костылей с привязанными к ним веревками.

— Коготь, дай угадаю. Твой кореш приводил сюда каких-то дурачков и привязывал на ночь. Только никак не пойму, зачем они на это соглашались.

— Так на спор шли. Напивались в кабаке до петушиного гонора, а Кочевряж предлагал побиться об заклад. Ежели кто простоит ночь и не обгадится, тому он даст рубль серебром.

— Экий затейник, — хмыкнул я.

Похоже, он так и денежку зарабатывал, и лешего раскормил чужим страхом до неприличной наглости.

— Да уж, Кочевряж пошутковать любит, — еще раз подтвердил мои догадки Коготь. — То к дереву кого-то привяжет, то в воду забросит, а мог и еще чего удумать.

— А ловушек твой шуткарь нам не приготовил? — напрягся я.

— Как же без этого, но меня в ловушку не поймаешь. С пятнадцати годков в Топь хожу. Так что пройдем. Повозимся токмо долго, — горделиво сказал шатун, но тут же с сомнением добавил: — Ежели лешак не подгадит.

— Да уж, — недовольно сморщился я и тут же поднял брови от неожиданно возникшей в голове мысли. — Кикимору мне в тещи! Коготь, а другая тропа от схрона есть?

— Есть, токмо кружная. Да и выходит она... — Глаза шатуна расширились от понимания. — Думаете, лешак упредит Кочевряжа?

— Даже не сомневаюсь. Сможем перехватить?

— Попробуем, — сосредоточенно кивнул Коготь и сорвался с места.

Ну и мы припустили следом. Теперь никакой тропы не было, но и леший не колобродил, что тоже неплохо. Минут через десять мы добрались до склона островной возвышенности, с которого хорошо видна прилегающая к этой стороне холма часть болота, и тут сразу произошло несколько событий. Сначала мы заметили человека, резво бегущего по относительно сухому пространству, которое узким языком пересекало болотное озеро. Не успели мы ощутить охотничий азарт, как нас стало не трое, а четверо: с нижних ветвей высокого дуба рухнула вниз рыжая туша неприятно крупной рыси.

Да ну?! Есть в этом проклятом болоте хоть кто-то, кто не помогает хитрому и очень шустрому наркобарыге? Евсей успел перехватить прыгнувшую на меня рысь и сразу начал меняться.

— Я справлюсь, — прохрипел оборотень.

Ну, справится, значит, справится. Махнув Когтю, я побежал между деревьями вниз, к кромке болота.

Но к берегу добежал почему-то в одиночку. Двигавшийся позади меня шатун неожиданно вскрикнул. Мне показалось или в его голосе прозвучала не боль, а радость?

Погасив инерцию, я оглянулся, но шатуна за мешавшими обзором кустами не увидел.

Чем дальше, тем веселее!

Отмахнувшись от зудящего под черепом здравого смысла, я рванул за беглецом. Похоже, эта полоска суши являлась еще одним мостиком между островом и более сухими пространствами Стылой Топи. Конечно, не беговой трек, но терпимо. Особенно для шатуна.

Вон как чешет, зараза! Похоже, не догоню. Не знаю как, но беглец неся по болотному мху как по асфальту, а вот мои сапоги норовили утонуть в мягкой поверхности.

Ну, значит, будем поступать не по-спортивному.

Резко остановившись, я глубоко вздохнул, одновременно доставая массивный револьвер из левой набедренной кобуры. Перебросив оружие в правую ладонь, я прицелился и сделал три выстрела. Попал как минимум раз — шатун дернулся и покатился кубарем. Он попытался встать и ухватился за поясницу. Сделав еще с десяток шагов, Кочевряж резонно решил, что после попадания резиновой пули в спину особо не побегаешь. Вывод он сделал вполне логичный, а вот дальнейшие его дей-

ствия оказались для меня загадкой. Шатун чуть ли не ползком добрался до края сухопутной полосы и склонился над водой. Казалось, он решил о чем-то поговорить с рыбами.

У меня появились нехорошие предчувствия. На ходу возвращая револьвер в кобуру, я побежал к стоявшему на четвереньках шатуну. Не успел — он увидел мое приближение и нырнул.

Не знаю, сработала интуиция или охотничий азарт, но я рыбой сиганул за беглецом. На удивление вода оказалась достаточно прозрачной, особенно учитывая, что мы находимся на болотах. Мир вокруг сразу утратил изрядную долю реалистичности, а еще через секунду он вообще превратился в сказку.

Миновав пытающегося уплыть шатуна, в ореоле воздушной пыли и плавно покачивающихся водорослей на меня ринулась русалка. Это был бестелесный энергент, частично проявивший свою суть. То, что было совсем прозрачным, дорисовывала завихрявшаяся вокруг энергетического поля вода. Картинка получалась чуть размытой, но от этого не менее жуткой — эдакий злобный призрак в воде. Полупрозрачная девица в призрачной рубашке изящным щучьим движением скользнула ко мне. Оскал у нее был очень несимпатичным и до предела недобрым.

Хвататься в таких случаях за двустольный коротыш у меня стало уже рефлексом. Кургузый пистолет вынырнул из кармашка на поясе. Едва ствольные зрачки уставились на подплывшую почти вплотную русалку, оружие глухо ухнуло и выдуло изрядный газовый пузырь.

Пальнул я с перепугу, так и не вспомнив, может ли разорвать в таких условиях ствол. Не разорвало. Результат, если честно, был не ахти — из воздушного пузыря вылетела стайка дробин, но двигались они как-то беспомощно. У меня бы получилось солиднее плюнуть вишневой косточкой. И все же выстрел оказался не таким уж бесполезным. Русалка налетела на уже начавшую клониться ко дну стайку дробин и вдруг забилась как попавшаяся на крючок рыба.

Испуг отпустил меня, позволив начать мыслить рационально. Все правильно: серебро — сильнейший энергетический резонатор. Усложнившуюся энергетическую структуру он расслаивает до состояния сырой энергии. Для разрушения энергента такого уровня необходимо долгое воздействие, но

даже короткий контакт не принесет духу никакой радости. Русалка рванула назад быстрее, чем атаковала меня, но своего подельника в беде не оставила. Прямо на ходу она цапнула уже всплывавшего шатуна за пояс и потащила за собой. Сначала очень медленно, но с явной тенденцией к ускорению.

Конечно, бросаться за ними в погоню я не собирался — была идея получше. На нее меня натолкнул звон в собственной голове. Его причиной было кислородное голодание и гидроакустический удар от выстрела пистолета.

Быстро всплыв, я выбрался на торфяной язык и сорвал с пояса гранату.

Надеюсь, внутренняя обмотка не успела размокнуть.

— Если не клюет, будем глушить, — процитировал я своего друга-браконьера и метнул гранату, стараясь опередить движущийся в воде бурун.

Живодерских наклонностей своего друга я не разделял, но в данный момент его советы пришлись к месту.

Вышло не так уж идеально, но оно и к лучшему. Подводный взрыв вздыбил воду, когда бурун с явно уже захлебывающимся шатуном проскочил метров на пять.

Мужику повезло дважды — он оказался достаточно далеко от взрыва, к тому же всеми силами пытался удержать в легких остатки воздуха. Поэтому всплыл как оглушенная рыба, а не ушел камнем на дно.

Серебряная пыль в гранате вряд ли достала русалку, но наверняка злобности и решительности у нее поубавилось.

Ну вот спрашивается, почему не сделать так с самого начала, вместо того чтобы изображать из себя Жака Кусто?

Напряжение отпустило меня, практически лишив сил. Так что подбежавшие коллеги оказались весьма кстати.

— Достань его, пока не утоп, — устало приказал я и присел на ближайшую кочку.

Евсей выразительно посмотрел на Когтя, и тот начал быстро раздеваться. Меня удивило, с какой осторожностью бывший шатун положил на мох тряпичный сверток.

И вообще, где его черти носили?

Задать гневный вопрос я не успел, потому что оставшийся в одних портках Коготь прыгнул в воду и быстро поплыл к бывшему товарищу. Бывшему — потому что его сегодняшние приключения наверняка сильно подпортят их взаимоотношения.

ГЛАВА 2

Кочевряжа мы выловили относительно вовремя. Почему относительно? Потому что захлебнуться он успел и пришлось делать ему искусственное дыхание. Этот шатун нужен был мне живой и в своем уме. Когда утопленник закашлял, у меня была идея сразу идти к паромобилю и возвращаться домой, но все же решил обследовать захоронку наркобарона уездного разлива. Евсей взвалил шатуна на плечо, а Коготь выступил в роли проводника. При этом он продолжал бережно прижимать к груди таинственный сверток.

Чтобы не отвлекать подчиненного от поиска ловушек, я решил отложить расспросы до прибытия на место. К тому же по пути было на что посмотреть — например, на изодранную когтями тушу огромной рыси. Судя по всему, оборотень свернул ей шею.

Жаль, красивый был зверь, но лучше уж так — при ином исходе было бы жалко казака, и намного больше.

После получасовой прогулки по лесу мы оказались у холмика, который при более внимательном осмотре оказался сводом просторной землянки. Но прежде всего в глаза бросался луг, окружавший эту искусственную возвышенность.

Интересный пейзаж. Прямо из жизни хоббитов — окрест аккуратной землянки раскинулось поле красных цветов. Сначала я принял их за простые маки, но затем рассмотрел, что и листья помястее, и посредине вместо зародыша головки находится пестик, густо облепленный наслоениями пыльцы. Похоже, это и есть дурман-цветок. Если честно, я ожидал чего-то более экзотического.

— Мелковат цветок, — подтвердил мои сомнения Коготь, — ближе к центру Топи растут размером с большой подсолнух.

Ну, раз бывший шатун сам о себе напомнил, начнем с него:

— Скажи-ка, голубь мой сизокрылый, какого рожна ты потерялся, когда мы гнались вон за тем затейником? — для наглядности ткнул я пальцем в Кочевряжа, которого Евсей сгрузил у входа в землянку как мешок с картошкой. — Неужели захотел как-то подсобить старому другу?

— Не сердчайте, барин, — потупился Коготь, сняв с головы картуз. При этом он по-прежнему прижимал к себе таинственный сверток, — но такая удача бывает токмо раз в жизни.

— Какая, к лешему, удача? — раздраженно спросил я и, как показало будущее, очень верно сформулировал свой вопрос.

— Так увидал я «счастливые глазки».

Глубоко вздохнув, я постарался говорить спокойно:

— Слушай внимательно, Коготь. Если мне придется задавать еще один вопрос, ты сильно об этом пожалеешь. Говори просто и понятно.

Бывший шатун все понял и заговорил четко и информативно:

— Когда бежал за вами, командир, я увидел «счастливые глазки» в траве. От радости споткнулся и покатился кубарем. Пока нашел, пока откопал, а вы уже и сами словили беглеца. Да и не дружок он мне, коль я сам же вам на него и донес. — Верно прочитав мой колючий взгляд, шатун быстро добавил: — «Счастливые глазки» — очень редкий цветок, и найти его — к большой удаче. За них можно рубликов семьдесят взять.

Коготь закончил свою речь торжественным шепотом, разворачивая бережно хранимую тряпку. Там я увидел ком грунта, из которого торчали два желтых цветочка на коротких стеблях. Они были похожи на ромашку, но, приглядевшись, можно было увидеть, что от наклона лепестки меняют цвет по всей радужной палитре.

Симпатичный сорняк, но не настолько же, чтобы так подставлять своего командира.

— Коготь, ты реально не понимаешь, как накосячил?

— Не косил я ничего, — удивленно нахмурился шатун.

— В смысле провинился.

— Дык богатство-то какое! Иной раз за всю зиму в Топи столько не соберешь.

— Тебе денег не хватает? — продолжал я сверлить взглядом Когтя.

— Хотел женке с детками чуток переслать.

Правильно мыслит мужик. Наворотил дел с семьей — принимай ответственность по полной. От обязанностей родителя его никто не освобождал.

— Похвальное намерение, но лучше бы обратился прямо ко мне. Теперь ты мой человек, и твои проблемы становятся моими. Вернемся — получишь две сотни рублей. Хватит?

Коготь задохнулся от удивления:

— Так я... так это...

Ну вот что ты будешь с ним делать? Вроде шатуны должны быть ребятами независимыми и дерзкими, но привычка к покорности слишком долго вбивалась в наш народ кнутами и сапогами. Коготь попытался брякнуться на колени, но, увидев мой свирепый взгляд, явно вспомнил, что я из Новгорода, и по-военному вытянулся в струнку.

— Так, с этим решили, — недовольно проворчал я, поворачиваясь к лежащему на траве Кочевряжу, который уже пришел в себя, но особо не шевелился под тяжелой ногой Евсея. — Теперь ты, рыба моя быстрая. Скажи-ка, мил человек, откуда ты такой шустрый взялся? Кто тебя с духами подружил?

— Мамка обучила, — присел наркобарон местечкового разлива, когда Евсей убрал ногу с его груди. — Ведуньей она была, вот и подсказала слово верное.

Шатун быстро пришел в себя и даже сумел пригладить ладонями мокрые волосы. Наверняка прическа была его гордостью — молодежавый мужик явно имел популярность у провинциальных мещанок. Эдакий Николай Басков, только чуть покарябанный парочкой шрамов, которые только добавляли ему брутального шарма. Работа у шатунов вредная и целостности шкурки не способствует.

— Хорошая у тебя мамка, и делу толковому обучила. А дурь ядовитую детям подсовывать тоже она наказала?

— При чем тут дети? — искренне удивился Кочевряж.

— А то ты не знаешь, что только за прошлый год в Империи от пыльцы загнулось больше сотни подростков.

— Врешь! — пораженно выдохнул красавчик.

— А в харю сапогом? — тут же отреагировал Евсей на хамство шатуна.

— Простите, ваше благородие, я же не знал, что ее деткам дают.

Ну не совсем деткам — травится в основном золотая молодежь, да и приведенную статистику я из пальца высосал, но рассказывать об этом горе-плантатору не собирался. Да и не верил я в его покаянное удивление.

— Сами нюхают, но недорослям разве ума вставишь, вон твой товарищ — на что здоровая орясина, и тот не удержался.

— Не товарищ мне эта крыса, — прорычал Кочевряж, ощерившись в сторону Когтя.

— Не любишь его? — с притворным участием спросил я и тут же зло добавил: — А я вот тебя не люблю, от слова совсем. И с удовольствием утопил бы в том болоте. Но ты будешь жить, потому что мне нужнее те, кому ты сдаешь товар в Омске.

— То серьезные люди, и тебе до них не добраться, офицеришка.

Смотри ты, узнал, несмотря на мой гражданский наряд.

— Тебя же нашел, вот и до них доберусь, — криво ухмыльнулся я на его ярость.

— Не доберешься, потому что я не крыса и не дурак.

— Загредишь на каторгу, — попытался надавить я на шатуна, но безуспешно.

— И там люди живут, — фыркнул Кочевряж. — Да и не за что меня на каторгу конопатить. Нету такого закона. Так что хоть режьте, а ничего я не скажу.

— Режьте, говоришь? — оживился Евсей и потащил из ножен любимый кинжал.

Кажется, он даже провел частичную трансформацию лица, но это я отметил лишь краем сознания, потому что думал совсем о другом.

Кто же это такой умный проконсультировал шатуна насчет ущербности местных законов? Генерал-губернатор обещал похлопотать у императора насчет введения запрета на дурманящие средства, но это дело очень нескорое.

Наглое выражение на морде шатуна и злость на несовершенство законов вывели меня из душевного равновесия.

— Подожди, — бросил я оборотню и быстрым шагом направился ко входу в землянку.

Так, что тут у нас? Мешочки и туески. Я начал с туесков. В первом были какие-то ягоды, во втором неизвестные мне листья, а вот в третьем обнаружился тонкий серебристый порошок. Его я узнал сразу, как и идущий от туеска запах. На поверку еще в четырех аналогичных емкостях находилась пыльца, и денег все это стоит немало. Но мне много не нужно. Под-

хватив один туесок, я вышел наружу и недобро улыбнулся шатуну:

— Ну, раз закона за пичканье людей пылью нету, то и хорошо. Евсей, поддержи-ка этого хитрована.

Казак быстро все понял и резко схватил дернувшегося шатуна за волосы. Я сначала хотел сыпануть пылицы ему в морду, но побоялся, что она попадет на руку казака. Так что щедро насыпал этой дряни на траву и кивком призвал Евсея к действиям.

Казак понятливо кивнул и ткнул шатуна лицом в кучку пылицы. В последней попытке избежать приема своего же товара Кочевряж дунул на пылицу, которая тут же поднялась облачком и поплыла по воздуху. От этого стало только хуже, потому что на обратном вдохе шатун втянул в себя изрядную порцию наркоты. К тому же казак еще несколько раз ткнул его мордой в остатки дури.

— Хватит, — остановил я оборотня.

Кочевряж завыл, катаясь по траве и пытаясь стереть ладонями с лица остатки пылицы, но это ему уже не поможет. От такого зрелища во мне что-то шевельнулось, но я тут же вспомнил Витьку Стахова, словившего передоз еще в мои студенческие годы, а также едва не убитую семью Когтя, да и тех, кто скрывался за безликими цифрами хоть и выдуманной мною, но не такой уж далекой от истины статистики. Поэтому нечто шевельнувшееся в душе быстро затихло.

По заверениям изучавших данный вопрос докторов, в себя Кочевряж придет часа через два, так что пока можно заняться базой. Но сначала чуток испортим ему кайф. Шатун развалился на траве и глупо улыбался.

Я присел рядом с горе-плантатором и тихо сказал:

— Вот ты дурачок, Кочевряж, неужели мамка не говорила тебе, что все духи берут за свои услуги больше, чем им было обещано. За сделанное они стребуют с тебя душу. Я бы на твоём месте больше никогда не подходил ни к пруду, ни к луже. А еще, вон слышишь, кажется, через кусты к нам лезет леший. Уверен, явился по твою душу.

Находишь Кочевряж в здравом уме — он лишь улыбнулся бы моим инсинуациям, но сейчас огонь его паранойи раздувался мехами наркотического угара.

Шатун задергался и попытался на четвереньках рвануть через поле дурман-цветов, но Евсей вновь прижал его к земле и начал сноровисто связывать.

Оглянувшись, я увидел осуждающий взгляд своего нового подчиненного.

— Ты, Коготь, на меня волком не зыркай, а лучше семью свою чудом спасшуюся вспомни. Мы тут не в бирюльки играем.

Коготь ничего не сказал, лишь угрюмо кивнул.

Через полчаса содержимое землянки горело ярким пламенем, которое вырывалось из двери и узкой отдушины. Стало жарковато, у меня даже возникла мысль подсушить мокрую после купания одежду, но вслед за пламенем потянулся и какой-то совсем уж ядовитого цвета дым. Не хватало нам еще надыхаться этой дряни.

— Уходим, — приказал я подчиненным.

Коготь двинулся первым по уже пройденной нами тропе. Евсей взвалил на плечи тихо подвывающего Кочевряжа и направился следом.

Обратный путь мы прошли без проблем, и даже леший не стал нам мешать. Загрузившись в паромобиль, я облегченно вздохнул — все же хорошая у меня машинка. Вокруг болото и тина, а внутри сухо и комфортно. Ощущение портила лишь мокрая одежда.

Евсей привязал пребывающего в прострации Кочевряжа к сиденью и уселся напротив него. Коготь остался в пассажирском отделении, явно переваривая наш с ним разговор. К тому же он явно боялся, что я прикажу ему выбросить узелок с цветочком, который он все еще хранил за пазухой.

Да и пусть — обратную дорогу найду и без посторонней помощи.

Нашел, причем ни разу не сбившись, так что через час мы подкатили к нашей каланче, где я вымылся в душе и благодаря заботам Чижа оделся в чистое.

Красота!

К этому времени Кочевряж немного пришел в себя и уже был готов к дальнейшему разговору.

— Ну что, наркобарон, едрить тебя через коромысло. Понравилось нюхать эту дрянь?

Все еще не отошедший от пережитых кошмаров шатун резко замотал головой.

— Тогда говори, пока я не подсадил тебя на эту отраву. Еще пару раз — и будешь сам ее нюхать, пока не сдохнешь.

Конечно, я не собирался марать себя таким поступком, да и пылицы у меня уже не было ни грамма, но Кочевряж об этом не знал. Опиумная пылица давала привыкание уже со второго приема, но поначалу шансы вывернуться еще были. Вон Коготь как-то соскочил, правда, через жуткий запой, который и смягчил ломку.

Кочевряж об этих свойствах пылицы либо знал точно, либо догадывался, поэтому раскололся по самую... сидущку табурета.

Не факт, что он сдал всех, но десяток имен назвал. Почти все фигуранты обитали в Омске, за исключением одного, чье имя меня откровенно напрягло. Как оказалось, наркотрафик в Топинске «крышевал» один из местных полицейских. Он же и проинформировал барыгу насчет законов.

Я, конечно, знал этого субчика, но, к счастью, не был знаком близко — так, виделись в управе несколько раз.

Да уж, неприятный разговор будет у меня с Дмитрием Ивановичем. К полицмейстеру я точно не пойду, потому что Аполлон Трофимович — дядька импульсивный и страх какой здоровый. Если что, может на пике злости мне и в морду сунуть за якобы поклеп на сослуживца. Он не очень-то меня жаловал после того, как я начал работать сразу на два ведомства. Разобравшись, наш Аполлон, конечно, повинится — мужик он справедливый, — но мне-то легче не станет. Так что я лучше пойду к старшему следователю. А с остальными именами из списка уже к генерал-губернатору Западной Сибири князю Шуйскому, у коего я и числился чиновником по особым поручениям. Уж там-то мне опасаться нечего — Петр Александрович держит всех в городе в ежовых рукавицах и раздает перцовые пряники направо и налево, можно сказать, с удовольствием. Так что подбросим ему повод для веселья. Заодно почиstim ряды вкрай распоясавшихся бюрократов.

Если честно, меня совсем не удивило, что среди омских фигурантов дела лишь один относился к купеческому сословию, — все остальные носили чиновничьи мундиры.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	7
Часть вторая	142
<i>Эпилог</i>	276